

Рабы или чада?

*Попытка анализа понятия «раб Божий» в связи с проблемой перевода богослужебных текстов**

Н. В. Эппле

Обсуждение проблемы перевода богослужебных текстов зачастую ограничивается резкой критикой самой идеи перевода. Очевидна необходимость разговора по существу, серьезного анализа осуществляемых попыток. Такой разговор и интереснее и плодотворнее. Учитывая, что язык тесно связан с сознанием, необходим серьезный анализ, осмысление концептов, лежащих в основе сознания верующего человека и находящихся выражение в языке молитвы. «Раб Божий» один из таких концептов, осмысление которого позволяет коснуться такой глубокой и важной области верующего сознания как диалектика свободы и служения, причем на уровне не всегда до конца формулируемых и тем более показательных внутренних установок.

Опыт переводов богослужебных текстов¹ предоставляет хорошую возможность задуматься над тем, что выражает и что призвана выразить церковная молитва.

Вообще при переводе богослужебных текстов возможны две установки, не полностью исключаящие друг друга, но предполагающие разные акценты. Первая установка на реставрацию старого текста скорее как памятника, как текста для знающего человека с «воспитанной» душой и чувствами. Дело почтенное, но легко перерождающееся в «искусство для искусства». Другая установка — подойти к тексту молитвы как к одному из инструментов воспитания и воцерковления человека («формации», как говорят католики). Это занятие менее почтенное — застывшие красоты славянского в этом случае часто должны уступать место вполне живым словам живого языка — но, возможно, гораздо более плодотворное и практически необходимое². Осмысление богослужения как элемента миссии решает пресловутый вопрос закрытости русского православия от вновьприходящих. По ходу дела выясняется, что воцерковление

* Доклад на XVI ежегодной конференции Свято-Филаретовского института «Свобода — дар Духа и призвание в Церкви и обществе», август 2006 г.

¹ Данный очерк написан, исходя из опыта работы над переводами богослужебных текстов совместно с о. Георгием Кочетковым (см. издания Свято-Филаретовского института, в том числе Православное богослужение. Вып. 1. Вечерня, Утреня, Литургия св. Иоанна Златоуста. М., 2004).

² Очень характерная черта споров о богослужебных переводах: часто далекие от Церкви профессиональные филологи ревностно обороняют красоты церковнославянского от людей Церкви, все громче говорящих о необходимости русификации богослужения (см., напр., материалы круглого стола «Беседы любителей русского слова» в СПбГУ 24 октября 2005 года в газете «Кифа», 11, 2005, с. 6–7).

совсем не помешает и старым прихожанам. Очень часто непривычно звучащие слова на месте привычных пробуждают молящегося от «благочестивой спячки» («станем стройно», «будем внимательны» и т.д.).

Перевод молитвы вообще ситуация совершенно особая. Отношение к молитве как к памятнику смещает ее внутренние установки. Молитва всегда так или иначе возносится от первого лица (ед. или мн. ч. — отдельный вопрос), по русскому выражению «творится», произносящий молитву всегда в той или иной степени ее автор, и отношение к ней как к памятнику таким образом связано с понятными трудностями. Перевод молитвы, в отличие от перевода памятника, есть некоторое ее вос-произведение, т.е. осмысление, а возможно и переосмысление, в новых языковых условиях³.

В свете всего сказанного особого внимания заслуживает, в частности, такое выражение, как «раб Божий». Поскольку работа перевода идет часто с уровнем первых реакций, ассоциаций, у современного носителя русского языка это слово — на уровне первых реакций и ассоциаций — вызывает отторжение⁴. (И дело вовсе не в гипотетическом пришельце с улицы, который, услышав рабов, уходит, а услышав чад, остается. У нас самих, в нашем сознании ничего хорошего с понятием рабства не связано.) А поскольку речь идет не о тексте, который читают, обдумывают, с которым, возможно, не соглашаются, а о словах молитвы, которые молящийся, услышав или прочитав, сразу обращает к Богу, то если первой реакцией оказывается отторжение, молитва становится невозможна, человек либо уходит, либо «отключается». Именно это происходит сплошь и рядом со столь богатым смыслом православным богослужением, наше сознание не может воспринимать его как собственное слово к Богу и переключается в привычный режим изучения памятника или собственных медитаций на его тему или на свободную тему, каждый о своем (вспомним такую характерную сцену молитвы Наташи Ростовской: сознание выхватывает отдельные слова и ощупывает их — но не молится).

Пусть бы это было просто трудное слово. Трудность в таком деле часто показатель, что все идет правильно, не в обход. Вспоминая реакцию слушателей Христа «Трудно слово это, кто может его слушать» (Ин. 6:60), С.С. Аверинцев писал, что, переводя Писание, мы не можем сделать так, чтобы Слово перестало быть трудным — и обязаны сделать все, чтобы оно не было неопределенно, расплывчато-невразумительным.

³ Пример того, что серьезное осмысление традиции, и в частности богослужения, необходимо означает ее реформу, можно видеть в деятельности монахов Нового Скита (АПЦ). Во введении к одному из сборников переводов отмечается, что в процессе перевода богослужебные тексты нередко создавались заново (Tgoragia and Kondakia. New Skete, Cambridge, N. Y., 1984, p. XVII).

⁴ Ср. очень показательный пример — письмо читателя в редакцию одного из современных православных журналов: «Как может нормальный, вменяемый человек так унижаться, считать себя рабом? ...И как прикажете относиться к Богу, который нуждается в рабах? Как ... это совмещается — любовь к людям и к ... Богу — и одновременно желание быть рабами» (Фома, 8 (31), 2005).

Помимо нежелательных ассоциаций самого слова «раб» дело осложняется тем, что в различных случаях это слово хотелось бы переводить по-разному: где-то это отчаянно неравный по отношению к господину, где-то слуга, где-то почти сын, домочадец, где-то синоним сына. В то же время в славянском тексте богослужения всегда буквально («рабски») следующем греческому неизменные *δοῦλοι* во всех без исключения случаях передаются «рабами Божиими», довольно редкое (в молитвах исповеди) *τέκνον* переводится как «чадо»⁵. Очевидно, что это понятие очень сложно и требует серьезного анализа.

При переводе предлагается раскрывать значение понятия рабства через понятия сыновства и служения, оставляя наименование «рабов» для тех, о ком церковь молится, но в отношении кого названный перевод невозможен (оглашаемых, еще не вошедших в полноту сыновних отношений и служения, или умерших номинальных членов церкви). Наиболее характерные примеры переводов таковы:

В большинстве случаев «рабы» предлагается переводить как «чада»: «Венчается *чадо* Божье (*имя жениха*) с *чадом* Божьим (*имя невесты*)...», «Упокой, Господи, души усопших *чад* (*или*: рабов) Твоих...», «Господь и Бог наш Иисус Христос по благодати и щедротам Своего человеколюбия да простит тебе, *чадо* (*τέκνον*)...».

Литургия Златоуста. Молитва предстоятеля о себе. «Посему прошу Тебя, одного благого и внимающего мольбам: воззри и на меня, грешного и никчемного *служителя* Твоего...».

Молитва об оглашаемых: «воззри же на рабов Твоих оглашаемых...».

Литургия преждеосвященных даров. «Воззри на нас, недостойных *служителей* Твоих, предстоящих пред этим святым жертвенником...».

Елеосвящение. Молитва первая: «Сам, Владыка Господи, даруй нам благодать для этого служения Тебе, как Ты даровал её *служителю* Твоему Моисею, и Самуилу, возлюбленному Твоему, и Иоанну, избраннику Твоему, и всем из рода в род благоугождавшим Тебе...».

Священническая хиротония: «О *служителе* Божьем (*имя*), ныне поставляемом во пресвитеры, и о спасении его Господу помолимся».

Попробуем проанализировать их, для чего проследим происхождение названной категории.

* * *

⁵ Известные нам контексты молитв исповеди представляют собой наследие развитой традиции уврачевания греха в длительном общении духовника и кающегося, таким образом «чадо» здесь собственно не столько Божье, сколько духовника. Тем не менее, представляется возможным (а может быть — в этом-то и состоит задача предлагаемого анализа — и вполне исторически оправданным) переосмыслить понятие «чада» именно как «чада Божьего».

Где искать корни богослужебного словоупотребления? Конечно в Священном Писании. Молитва церкви прямо восходит и к Ветхому и к Новому завету. Попробуем кратко проанализировать динамику значений интересующих нас слов, чтобы понять, о чем вообще говорит такое «простое» выражение — «раб Божий»⁶.

Приступая к анализу истории понятия «рабства Богу», надо отметить, что оно имеет самое прямое отношение к теме конференции. Ведь категория свободы со временем претерпела ровно то же изменение значения, что и во многих других случаях с такого рода абстрактно-объемными понятиями (ср. бытие, слава, милость, благодать и т.д.). Почти предметная конкретность постепенно сменяется туманной абстракцией. Свобода изначально (во всяком случае, в греческом и еврейском языках) понимается только как достояние свободного человека, не раба ([חֲפֵזִי] — «быть свободным», חֲפֵזָה — «свобода», חֲפֵזִי — «свободный»⁷). И вот, этот анализ пытается сделать для себя понятным пути абстрагирования понятия «раб», происходившего, очевидно, параллельно с абстрагированием понятия «свободы».

Ветхий завет знает два слова, обозначающих то, что мы ищем: *sharat* и *ebed*.

Слово חֲפֵזָה (*sharat*) имеет почти исключительно «профессионально-техническое» значение подчиненности как служения, богослужебного применения⁸. Это слово нас не интересует, поскольку никогда или почти никогда не переводится на русский как «раб».

Нас интересует второе слово. עֶבֶד (*ebed*) — «раб», «слуга», δοῦλος (от гл. עָבַד (*abad*) — «работать», ἐργάζειν, гл. обр. на земле). Существительное между прочим обозначает ту самую очень важную категорию «служения» со всеми соответствующими смыслами.

Это слово может относиться к неравным: служитель в доме, по хозяйству, Египет именуется «домом рабов» (Синод. «дом рабства»). Может к равным, как русское «ваш

⁶ Должным образом проводимый анализ заставлял бы вспомнить всю традицию понимания рабства и господства от Библии с одной стороны и «Политики» Аристотеля с другой до Лютера и Мильтона как наиболее поздних прямых наследников классической и библейской традиций, передающих их революционным риторикам Нового времени, чьими наследниками являемся мы. Но мы ограничиваемся Св. Писанием.

⁷ 1) свободный от рабства: о крепостных в Израиле, отпускаемых на волю на седьмой год; о рабе-слуге, отпускаемом на волю в счет полученного увечья; 2) свободный от долговых обязательств. Кроме того, חֲפֵזָה (חֲפֵזָה) свобода как отделенность, ср. בֵּית חֲפֵזָה «дом свободы», т.е. отделенный дом, в котором жил прокаженный царь Азария, сын Амасии (4 Цар. 15:5).

⁸ *Sharat* собственно означает «служить для чего-то», «быть служителем» (λειτουργέω; λειτουργός, διάκονος, θεράπων). Ср. 4 Цар. 25:14: «...тазы, и лопатки, и ножи, и ложки, и все сосуды медные, которые употреблялись при служении», — в этом смысле «служители» Бога левиты. Так же служат ангелы (Пс. 102:21: «Благословите Господа, все воинства Его, слуги Его (מְשֻׁרְתָיו), творящие волю Его!»); или 103:4: «ветры вестниками Твоими творишь, слугами Твоими — пламена огня». Наконец, в наименее техническом смысле это служитель как помощник, как Навин у Моисея (Нав. 1:1) или Елисей у Илии (3 Цар. 19:21).

покорный слуга» (עֶבְדֶּךָ «твой слуга»), надо заметить, что именно к этой группе относит BDB использование этой формулы в молитве к Богу, также этим словом может именоваться должник по отношению к заимодавцу. Слово означает вассальные отношения как таковые, что важно для нас: побежденные народы и цари, подчиненные царя, солдаты называются этим словом.

Ebedim также служители Бога: ангелы, древние праведники и патриархи.

«Служители» в более «профессионально-техническом» смысле: левиты, пророки עֶבְדֵי הַנְּבִיאִים — «слуги мои пророки». В Откровении Иоанна также говорится о награде от Бога «рабам Его пророкам» (11:18).

Служители Бога называются рабами Его, как Моисей. Псалмопевец многократно называет себя «рабом Божиим», поскольку Бог освободил его из уз (не аналогично ли это нашему «я твой должник»?) (115:7); просит не судится с ним, ему не оправдаться, положение слишком различно (но суд с рабом в принципе возможен) (142:2); просит именно как раб господина погубить его врагов (142:12).

Интересно то, как переводятся интересующие нас случаи на другие языки. Во всех языках, где есть пара «раб–слуга» (slave–servant, Sklave–Knecht) евр. *ebed* всегда переводится вторым словом. Дело в том, что античность (при всей значительности различий рабства в классической Греции и в имперском Риме) знала в первую очередь рабство, использование невольников, тогда как опыт ветхозаветного Израиля был существенно иным.

Появляется подозрение, что по меньшей мере, *ebed* по-русски не «раб», а «слуга», а по большей — наше понятие рабства неприменимо к рассматриваемым отношениям.

Однако в ряде случаев неизменное *ebed*, передается Септуагинтой не обычным δοῦλος, но более редким παῖς, отрок, «мальчик-слуга». Так хотя в масоретском тексте Ханаан (Быт. 9:25) обрекается на положение *ebed ebedim* у братьев своих, что можно перевести как «последний из рабов», Септуагинта называет его παῖς οἰκέτης, кто-то вроде домашней прислуги, «мальчик на побегушках». У Девтероисаии «рабом» называется Израиль, тем самым подчеркиваются очень тесные отношения народа с Богом, невозможность служить никому другому и тем самым свобода от всякого другого услужения и порабощения (Ис. 41; 44):

ты, Израиль, раб Мой (עֶבְדִּי, παῖς μου), Иаков, которого Я избрал, семя Авраама, друга Моего, — ты, которого Я взял от концов земли и призвал от краев ее, и сказал тебе: "ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя": не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой... Я образовал тебя: раб Мой ты,

Израиль, не забывай Меня. Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя.

И далее продолжая эту логику автор второй части книги Исаяи дает образ совершенного раба, совершенного проводника воли Божьей. Это знаменитое мессианское место о Рабе или Отроке Яхве (52:13–53:12):

...Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. ... Он ... не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; ... воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его.

Израильский народ есть *ebed* Господа как избранный быть Его свидетелем. Но есть также и идеальный *ebed*, избранный и наделенной Духом от Бога, чтобы служить заветом Израиля и светом для язычников, понеся на себе грехи всех как искупительная жертва, и содействующий счастью и оправданию многих как мученик и ходатай. Именно об этом Отроке напоминает Петр в своей проповеди в притворе Соломоновом:

Бог, воскресив *Отрока* Своего [Иисуса] (τὸν παῖδα αὐτοῦ), к вам первым послал Его, благословляющего вас, чтобы каждого отвратить от злых дел ваших.

Претерпевает ли значение этих понятий сколько-нибудь важные изменения в Новом завете?⁹

1) Нигде в евангелиях выражения «раб Божий» нет. Есть многочисленные случаи, когда в притчах Господь сравнивает отношения человека с Богом с отношениями слуги с господином (а это скорее «вассал», чем «раб»). Они очень интересно сближаются («Блаженны слуги («рабы»), которых Господин, вернувшись, застанет бодрствующими» (Лк. 12:37)), но никогда не смешиваются. Стоит заметить, что такое бережное отношение к иллюстративному материалу уникально: уже Павел смешивает планы, чем значительно обедняет картину, но и делает ее более понятной практически.

(С другой стороны, интересно отметить, как в молитве на обручении отец из притчи о блудном сыне становится Отцом Небесным, в то время как сын так и остается

⁹ Замечательную трактовку интересующей нас темы, а также множество важных деталей можно найти в работе епископа Кассиана (Безобразова) «Царство Кесаря перед судом Нового Завета» [1948] в изд. Епископ Кассиан (Безобразов). Да приидет Царствие Твое. Paris, 2003.

сыном из притчи: «перстнем Отец наш Небесный явил милость Свою блудному сыну, сказав: “Наденьте перстень на руку его и, взяв откормленного телёнка, заколите, будем пировать и веселиться”».)

В числе мест, имеющих отношение к данной теме, можно упомянуть, во-первых, слова Христа «кто между вами хочет быть большим, да будет всем слугой» (Мк. 10:44). В Лк 2:29 («ныне отпускаеши») некоторые комментаторы видят образ отпускания на волю раба, однако, учитывая ветхозаветный контекст, можно понять, почему, например, Аверинцев переводит и в этом случае «отпускаешь с миром *служу* Твоего». Сближаются планы и в Лк 17:7–10: «Так и вы, когда исполните все, что вам велено, говорите: “Мы – *слуги, ни на что не годные* (Δοῦλοι ἀχρεῖοί ἐσμεν); мы сделали не больше того, что должны были сделать”».

2) Именно и только Иоанн противопоставляет рабов сыновьям или друзьям (8:34–35; 15:15). Малочисленность аналогов в предшествующей и последующей традиции говорит об оригинальности Иоанна в этом случае. Именно из-за уникальности и чисто Иоанновой специфики этих мест проблематично, опираясь на них, говорить о снятии для христианина вопроса о рабстве.

Кроме того, у Иоанна встречаем слово τέκνα — «дети», «чада». Ин. 1:12: «Всем же, кто принял Его, — дал им власть стать детьми Божиими, верующим во имя Его» (ὅσοι δὲ ἔλαβον αὐτόν, ἔδωκεν αὐτοῖς ἐξουσίαν τέκνα θεοῦ γενέσθαι, τοῖς πιστεύουσιν εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ...); Ин. 11:52: «чтобы и рассеянных детей Божиих собрать воедино» (καὶ οὐχ ὑπὲρ τοῦ ἔθνους μόνον ἀλλ' ἵνα καὶ τὰ τέκνα τοῦ θεοῦ τὰ διεσκορπισμένα συναγάγῃ εἰς ἓν). (Еще у Павла: Еф. 5:1: «будьте подражателями Богу, как дети возлюбленные» (γίνεσθε οὖν μιμηταὶ τοῦ θεοῦ, ὡς τέκνα ἀγαπητά...); Фил 2:15: «Всё делайте без ропота и сомнения, чтобы быть вам неукоризненными и чистыми, детьми Божиими непорочными, среди рода порочного и развращенного, в котором вы сияете как светила в мире» (ἵνα γένησθε ἄμειπτοι καὶ ἀκέραιοι, τέκνα θεοῦ ἄμωμα μέσον γενεᾶς σκολιᾶς καὶ ἰεστραμμένης...).

Не имеющий прямого отношения к нашей теме но все же слишком важный случай, чтобы его можно было оставить без внимания — обращение уверовавшего Фомы к воскресшему Иисусу «Господь мой и Бог мой» (20:28). Здесь происходит на очень большой глубине какой-то очень важный перелом, на который отчасти указывают эти слова. Все всегда называли Иисуса «господин», «господин мой» (κύριε, евр. *mar, mari*), это нормальное обращение к учителю, уважаемому человеку, сильному чудотворцу. И вот, когда между Фомой и Христом происходит этот удивительный разговор, Фома говорит «Господи», так сказать, с прописной буквы. Можно сказать, этот стих в каком-то

смысле — рождение единственного в своем роде для всех европейских языков слова «Господь».

3) Все три случая δούλος (и один παῖς — вышеупомянутый случай с «Отроком») в Деяниях разные и интересные. Во-первых, место из проповеди ап. Петра на Пятидесятницу (2:18), где он цитирует пророка Иоила:

и на рабов Моих и на рабынь Моих (καὶ γὰρ ἐπὶ τοὺς δούλους μου καὶ ἐπὶ τὰς δούλας μου) в те дни изолью от Духа Моего, и будут пророчествовать.¹⁰

Во-вторых, слова молитвы новорожденной Церкви после гибели Стефана (4:29):

И теперь, Господи, взгляни на угрозы их и дай рабам Твоим со всяким дерзновением говорить слово Твое (δὸς τοῖς δούλοις σου μετὰ παρρησίας πάσης λαλεῖν τὸν λόγον σου)...

И в-третьих, наименование христиан из уст «внешних» (16:17):

И было, когда мы шли на место молитвы, встретила нам некая служанка, имевшая духа-прорицателя, которая, прорицая, доставляла своим господам большой заработок. Она, следуя за Павлом и за нами, кричала: эти люди - рабы Бога Всевышнего (δούλοι τοῦ θεοῦ τοῦ ὑψίστου), которые возвещают вам путь спасения.

Второй случай особенно важен. Мы видим, что Церковь перенимает традиционное словоупотребление (я не умею определять, на каком языке думал Лука, важно, что новозаветная Церковь нормально именуется себя δούλοι). Но еще интереснее сближение здесь на пространстве одной строки понятий «рабства» и «дерзновения». Ведь παρρησία это именно право слова свободного человека (на современном языке, свобода слова гражданина), способность «истину царям с улыбкой говорить». Тут можно видеть прямое преемство у Ветхого завета: раб Божий неподвластен более никакому господину, выкуплен от всякого другого рабства, и ко всем прочим может поэтому обращать «свободное слово».

4) У Павла впервые в связи с рабством у Бога заходит речь о рабстве как социальной реальности, что во многом определяет всю святоотеческую традицию. Это,

¹⁰ Любопытно, что у Иоила (2:28–29), откуда это цитата, планы, опять же, не смешиваются: «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь (καὶ ἐπὶ τοὺς δούλους καὶ ἐπὶ τὰς δούλας [תְּחִיִּי אֶת־הַחֲזָקִים וְאֶת־הַיְּתִימִים וְאֶת־הַנְּעוּטִים]) в те дни излию от Духа Моего».

как было сказано, гипостазирование образов евангельских притч, в которых царь — это *как бы* Бог, а слуга — *как бы* все мы, но окончательно планы не сводятся¹¹. Не важно, кто в каком звании призван — все люди собратья по рабству как подчиненности Богу и в этом равны (1 Кор. 7:21). С другой стороны, относительность социальных подчинений означает, что нет ничего страшного в том, чтобы в том звании, в котором ты призван, служить Богу, не стараясь поломать «классовые» границы¹². Очень специфический «рабовладельческий» коммунизм. *Συνδουλεία* — обычно сотрудничество, братство в служении. Вообще Павел, как и Петр, Иаков и автор Откровения, вслед за ветхозаветными «служителями» именуют себя «слугами» Иисуса Христа (Иуда: «раб Иисуса Христа, брат Иакова»). «О всём том, что касается меня, известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и соратник (*διάκονος καὶ σύνδουλος ἐν κυρίῳ*) в Господе» (Кол. 4:7).

Одно из самых знаменитых мест о свободе, слова из Послания к галатам «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (*τῇ ἐλευθερίᾳ ... στήκετε οὖν καὶ μὴ πάλιν ζυγῷ δουλείας ἐνέχεσθε*) (5:1), по существу вырастает из притчевого метода евангелий.

Важное место в Первом послании Петра, то самое, где говорится о христианах как царском священстве (2:9–16). Апостол призывает подчиняться человеческим властям именно «Как свободные, но не как прикрывающие своей свободой зло, а свободные как служители Бога» (*ὡς ἐλεύθεροι, καὶ μὴ ὡς ἐπικάλυμμα ἔχοντες τῆς κακίας τὴν ἐλευθερίαν, ἀλλ' ὡς θεοῦ δοῦλοι*).

В Откровении название верных слугами или скорее работниками Бога самое обычное; это именно трудящиеся для Бога (в 6:11 *σύνδουλοι* именно «соратники», никак не «соузники»). Но кроме того это собственность Бога, Он их сеньор и защитник, это иная близость, чем «боящиеся» (19:5). «И я пал к ногам его, чтобы поклониться ему.

¹¹ Примечательно, что именно такое сведение планов, досказывание недосказанного, в огромной степени создает специфику Павлова богословия, и именно на этом, по большому счету, сосредоточена критика павлинизма современной либеральной теологией.

¹² Таким образом 1 Кор. 7:21, следуя логике ап. Павла, нужно переводить, конечно, не в «либеральном» ключе:

«Пусть каждый не поступает иначе, как уделил ему Господь, каждый — как призвал его Бог. Так я и предписываю во всех церквях.

Призван был кто обрезанным, пусть не устраняет следов обрезания; призван кто необрезанным, пусть не обрезывается. Обрезание — ничто, и необрезание — ничто, но соблюдение заповедей Божиих. Каждый в состоянии, в каком призван, в том пусть и пребывает.

Рабом ли ты призван, — не беспокойся, *если даже можешь сделаться свободным, лучше используй свое положение раба* (*εἰ καὶ δύνασαι ἐλεύθερος γενέσθαι, μᾶλλον χρῆσαι*). (Так, а не основной кассиановский вариант: «но если и можешь сделаться свободным, лучше воспользуйся».) Ибо раб, призванный в Господе, есть вольноотпущенник Господа; подобно и призванный свободным есть раб Христов. Вы дорого куплены: не делайтесь рабами людей. В каком состоянии кто призван, братья, в том пусть каждый пребывает пред Богом».

И он говорит мне: смотри не делай этого. Я соработник (σύνδουλος) твой и братьев твоих, имеющих свидетельство Иисуса. Богу поклонись» (19:10).

Примечательно, что эта категория присутствует в Новом Иерусалиме («И ничего проклятого уже не будет. И престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему (καὶ οἱ δοῦλοι αὐτοῦ λατρεύσουσιν αὐτῷ), (22:3)) — тем самым, это не та проклятая несвобода, проистекающая из пораженности человеческих отношений грехом.

Итак в Новом завете (кроме евангелий) утверждается ветхозаветного понимание рабства у Бога как искупленности от всякого иного рабства. Кроме того начинается абстракция диалектики рабства—свободы: появляется категория внутренней свободы при внешнем рабстве (у ап. Павла). Ветхий завет имел дело с рабами и господами одной религии, новозаветные писания часто обращены к рабам, служащим иноверцам, кроме того, эллинистическое рабство гораздо суровее еврейского. Нелишне отметить, и это уже переводит нас в святоотеческий контекст, контекст эллинистически образованных авторов, и готовую греческую традицию внутренней свободы раба — чего стоит легендарный раб-мудрец Эзоп или раб-философ Эпиктет. Это помогает абстрагированию, Ветхий завет таких ходов не знал (Иосиф возвышается, народ выходит из Египта — кстати говоря, нелишне сравнить отношение к внешнему гнету современных израильтян и христиан).

Христос вроде бы поддерживает традицию внутренней свободы, терпя мучения («Господь терпел, и нам велел» — очень ходовое оправдание рабского поведения, популярное у нашего народа), но это только на первый взгляд, это скорее булгаковский Иешуа, а не Христос. На самом деле Он действительно раб в подлинно ветхозаветном понимании, Он дает исполниться на себе воле Отца, ничуть не поступаясь своей «парресией», и при первой возможности спешит уравнивать «внутреннюю свободу» внешней — воскреснуть. Язык не поворачивается назвать такую свободу абстрактной.

Для святоотеческого словоупотребления характерно, что слово «раб» обычно относится ко всей твари по отношению к Богу. Это, по преимуществу, калька социальных отношений Восточной Империи, где все рабы императора. Таким образом это отношение консервируется, стабилизируется, как стабильно оно в Империи (которая, по существу, держится этой стабильностью). Драматизма Исайи и псалмов тут совсем нет. Характерно одно место у Василия Великого: «хотя один и называется господином, а другой рабом, но все и по равноценности друг другу и как собственность Сотворившего — собратья по

рабству (или: сослужители)... Ибо быть сотворенным одновременно означает быть предназначенным для рабства»¹³.

Но на краю Империи в III в. создается «Песнь о Жемчужине». Царевич из Страны Востока, соблазненный яствами Египта, забывает о своем достоинстве и о цели своего странствия :

*...не ведаю, как прознали они,
что родом я не из их земли,
и лукаво сотворили они со мной,
и дали мне вкусить от яств своих.
И я забыл, что я царский сын,
поработился их царю,
и забыл о жемчужине оной,
за коей был от родивших послан,
и от дебелисти их яств
поникнул в тяжелом сне.
— Восстань, и пробудись от сна,
и услышь послания нашего речь,
и вспомни, что царский ты сын,
и узри, кому поработился ты!
(...)
Я вспомнил, что царский я сын,
что свобода моя взыскует сродного ей,
вспомнил и о жемчужине оной,
коей ради пришел я в Египет...¹⁴*

* * *

Итак, оказывается, что граница между рабом и слугой в интересующих нас контекстах если и определима, то в пользу «слуги». Во всяком случае, драматизма, заведомо предполагающегося (русским) словом «рабство», мы не встречаем.

Также надо было бы вспомнить специфику понятия на русской почве. Перевод Кирилла и Мефодия — это искусственный, так сказать, суперлитературный язык. С формированием живого литературного языка в 16 веке отчетливо проявляется языковое «двоеверие»: «смерды» и «холопы» оставлены действительности и не допущены в книжную и молитвенную культуру, а «рабы» оказываются понятием литературного

¹³ Василий Великий. О Святом Духе, 20.

¹⁴ Пер. С. С. Аверинцева. (Цит. по изд. От берегов Босфора до Берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. М., 1994, с. 141–142.)

языка, даже высокого штиля, без соотнесения с социальной лестницей («раб греха» и «раба любви» в общем существуют в одном стилистическом пространстве). С первой половины 19 века «раб» — слово для обозначения крепостного в либеральной декабристской, затем революционной риторике. Каждый со школьной скамьи помнит радищевское «Во свет рабства тьму претвори...» или лермонтовское «Страна рабов, страна господ...». Тем интереснее напомнить строки Некрасова, так много потрудившегося для сентиментализации образа «рабства народного», строки, в которых он использует не слово «раб», а слово «холоп»:

*Люди холопского звания –
сущие псы иногда:
чем тяжелей наказание,
тем им милей господа.*

Очень примечательно в этой связи употребление словосочетания «раб Божий» в народном языке, где «рабом Божиим» зовется кто-либо несправедливо или несоразмерно вине страдающий («прибежали солдаты и отвели его, раба Божьего, в каменный мешок»¹⁵). Тональность этого именованья очень пронзительна и многозначительна: несчастный вызывает неизменное сочувствие, каждый в любой момент может оказаться на его месте, но поделаться ничего невозможно. Социальная правда, как и правда Божья, есть нечто трансцендентное («до Бога высоко, до царя далеко»), и «маленький человек» в обыденной социальной действительности по отношению к сильным мира сего подобен жертвенному животному по отношению к закалывающим. (Справедливости ради отметим, что в прямой связи с таким положением вещей находится и специфически русский тип святости, тип святых страстотерпцев Бориса и Глеба.)

Именно как наследники «декабристской» традиции мы воспринимаем слово «раб» как нечто сентиментально-ужасное, тогда как в том слове Писания, переводом которого это русское «раб» выступает, нет ничего особенно ужасного и уж тем более сентиментального. Такое же положение, которое можно нести с честью, как любое другое.

В немецком лютеровские «Herr» и «Knecht» — это совершенно живые слова, «Herr» — живое в наши дни обращение, английское «Lord» отсылает уже скорее в соответствующую Палату, а «my lord» звучит, примерно, как сейчас в магазине «сударь».

¹⁵ Сказка «Вещий сон» из собрания А. Н. Афанасьева. — За это замечание я благодарю С. А. Лурье.

В русском же все как всегда радикально¹⁶: «Господь» это практически имя, это только Бог, но ведь ровно также и «рабом» я оказываюсь в каком-то очень специфическом благочестиво-возвышенном или локально-«аналойном» смысле, по крайней мере ни к какой непосредственной серьезной работе для Бога такое наименование меня не обязывает.

Случаи с притчами в евангелиях наводят на мысль, что вообще выражение «раб Божий» — своего рода метафора, которую нужно понимать, прибегая к аналогиям социально-экономических отношений (как притчу можно понять, только поняв, скажем, суть коллизии между девами мудрыми и девами неразумными), но не забывая при этом, что это не более, чем аналогии.

Самые пронзительные места Ветхого и Нового заветов открывают нам под покровом знакомых и обычных слов — необычные смыслы. Василий Великий сурово укоряет тех, кто «оскорбляет богословские учения человеческими примерами, и берется приспособлять к божественной и неизреченной природе здешний обычай, в котором различие положений существует по-иному»¹⁷. К теме *ebed Adonai*, к примеру, можно только подступиться при помощи того, что мы знаем о рабстве в Израиле, но понять ее можно только вникая в отношения Бога с его народом и затем Рабство Христа Отцу и рабство христиан Богу. Войдя в эти отношения (воцерковляя свою жизнь) возможно, исходя из нового опыта, преобразовать и свое социально положение подчиненного или начальствующего. (Так много размышлявший о проблемах несвободы Радищев писал, что бесконечная смена вольности рабством, а рабства вольностью неразрешима иначе как вмешательством Бога.)

Путь к воцерковлению жизни (и результат его) — воцерковление языка, на котором мы говорим и категориями которого мыслим. По слову С. С. Аверинцева, священным может называться только язык, умеющий адекватно говорить о святом. Обдуть пыль с понятия «раб Божий», и примеряя на себя в молитве категории чада, слуги или учителя и т.д., мы сможем подойти к нему во всей его сложности и, быть может, однажды полностью осознанно назвать себя «рабами Божьими», — и тогда этот прекрасный оборот высокого штиля оживет и заиграет смыслами и подвигнет нас работать для Бога.

¹⁶ Аверинцев. С. С. Некоторые языковые особенности в Евангелиях. Православная община, 4 (40), 1997, с. 49: «Что касается проблемы “Господь” и “господин”, то, с одной стороны, в этом, несомненно, богатство русского языка ... но с другой стороны, это опасно, потому что вот читает человек, простодушный русский человек, синодальный перевод Евангелия или безобразовский, и там все говорят: “Господи”. Получается, что земная жизнь — это вовсе не земная жизнь. Вот Он ходит ну как бы с нимбом, и все видят, что Он — Бог. Так очень легко этих людей соблазнить специфически советским видом атеизма: в любой другой стране атеист отрицает, что Он — Бог, советский же атеист отрицает, что Он — человек».

¹⁷ Василий Великий. О Святом Духе, 20.

Подчеркнем: речь вовсе не идет не идет ни о модернизации языка (слово «чадо» само по себе ничуть не более современно, чем слово «раб») ни о том, что новые переводы должны полностью заменить кирилло-мефодиевские¹⁸. Но оставлять столь важные вещи нетронутыми невозможно. В том-то и дело, что серьезное осмысление вот в данном случае понятия «раб Божий» становится возможным при переводческом подступе.

Анализ материала говорит о том, что понятие «раб Божий» действительно отражает всю сложность положения христианина как *свободного служителя и чада Божьего*. Живущая в языке¹⁹ особняком пара «Господь» – «раб Божий», в чем-то перенимающая человеческие, социальные отношения, а в чем-то сама способная обогащать их (в этом вообще достоинство «воцерковленного языка»), достойна серьезного внимания и хранения, а для этого культивации, а не консервации. В то же время перевод как отмена устаревшего понятия также был бы серьезным упрощением. К этому понятию нужно прийти, и широкого пути здесь не существует. Один из возможных путей — и, что немаловажно, совершенно традиционный в церкви — через богослужение, открытое к вновьприходящим, через восприятие *для начала* священника как служителя Божьего, а себя как чада — *со временем* ко всему сложному богатству церковной традиции (и осознанию себя как «раба» и царственного священника). Язык действительно отражает сознание и воздействует на него. Опыт перевода, по крайней мере внутреннего, как опыт личного включения в отношения с Богом и ближними, должен иметь место для всякого живого сознания.

Москва, 2006

¹⁸ В католической церкви можно служить по-латыни, нужно только разрешение епископа. Только делают это почему-то почти только откровенно диссидентствующие силы, вроде лефевристов и им сочувствующих, то есть люди с вполне определенными *политическими* установками. То, как быстро после разрешения II Ватиканским собором служить на национальных языках латинское богослужение оказалось по большому счету забыто, очень показательно.

¹⁹ Причем не только в русском, по крайней мере в европейских то же самое; т.о. это некоторая константа сознания, во всяком случае наследующего иудеохристианской традиции.